

Г.С.Померанц

Через подмены и подлоги

Мне было лет 13 или 14, когда газеты стали печатать письма немецких колонистов (тогда на украинском юге, по-старому в Новороссии, было много немецких поселений). И колонисты уверяли, что им вовсе не нужны продовольственные посылки из Германии. Кажется, даже фотографии печатались с упитанными лицами авторов. А наша домработница Галя рыдала после каждого письма с Украины и сушила сухари из своих 400 грамм городского хлеба, полученного по карточкам. Потом она ушла на завод: там давали больше хлеба.

Я знал, что во время гражданской войны голодали города. Но трудно было понять, почему теперь в городах, худо-бедно, хлеб был, а в деревне его не было. Из деревень в Киев прорывались голодные дети и вырывали кусок хлеба прямо из рук. Это рассказывала мама, она тогда уже играла в Киевском театре и к нам, в Москву, только наезжала. В январе 1934-го я сам поехал к ней в гости, в Коростень, где почему-то, в середине сезона, гастролировал театр, и на пересадке увидел крестьянку, лежавшую в дверях на перрон. Люди торопясь переступали через нее. Я остановился, посмотрел в глаза: может быть, она встанет? Ее выцветшие бледно-голубые глаза ответили: не могу. Видно, бежала от голода и не добежала. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я шагнул и вышел на перрон. Эти бледно-голубые глаза встают передо мной каждый раз, когда историки ссылаются на документы. В документах живых глаз не было.

Года за два, в 1932-м, Вовка Орлов важно сообщил мне: «А пятилетка-то провалилась!» Я удивился и назвал ему официальные цифры, сколько у нас новостроек. «Да, – с важностью ответил Вовка, – но все делается для деревни, а в деревне хаос и кровь». К его отцу, профессору Орлову, захаживал иногда Бухарин, поговорить о диалектическом материализме в точных науках. Видно, Вовка пересказывал бухаринские оценки. В чем-то Бухарин (или пересказ Бухарина) оказался неправ: Сталин проводил индустриализацию не для счастья большинства народа, а для производства танков. Но что-то непоправимое действительно происходило. Это носилось в воздухе. И невозможно было разобраться, что к чему. В 1934 году Бухарин признал Сталина победителем; потом был разоблачен, как шпион и диверсант. И мы на комсомольском собрании требовали его расстрела. А когда всех шпионов, диверсантов, пособников Гитлера стиснули в ежовых рукавицах, расстреляли и Ежова; а

Гитлер стал нашим другом и через пару лет неожиданно напал на Советский Союз.

Я почти обрадовался войне. Мои идеологические стереотипы встали на место. Фашизм снова стал абсолютным злом и мы – борцами с этим злом. Про первое ополчение я слишком поздно узнал, но в октябре все, кто хотели, могли готовиться к уличным боям. Нам выдали трофейные винтовки, залежавшиеся на складах, – сперва канадские (и к ним по 20 патронов), потом французские с боезапасом на 120 выстрелов. Патрулируя Волоколамское шоссе, мы сочиняли об этом частушки, с припевом из немецкой нахальной песенки:

La, la, la – o, Susanne, das Leben ist nicht schwer:
 Für einem toten Brautigam kriegt man tausend neue her!
 О, Сюзанна, жизнь не тяжела:
 За одного мертвого жениха получай тысячу живых!

Это было веселое лицо войны. А потом – сверкающее снежное поле с розовыми пятнами от прямых попаданий (кровь, растекаясь по снегу, окрашивала его в розовый цвет). И поле смрада между балкой Широкой и балкой Тонкой к северо-западу от Сталинграда, где я по ночам наталкивался на недохороненные руки и ноги. А в конце концов, пройдя через два госпиталя, я дошел до победы.

Но тогда, в октябре 1941-го – слава Богу, что немцы не поперли прямо в Москву! Слава Богу, что они перемудрили и стали окружать город, а пока окружали – ударил мороз... И тут вдруг оказалось, что как раз к этому страна была готова. После финской кампании, когда солдаты замерзали насмерть, были пошиты миллионы ватных брюк, телогреек, изготовлены валенки и ушанки, шерстяные подшлемники и белые маскировочные костюмы... А победоносные немецкие солдаты превратились в зимних фрицев, закутанных в бабьи платки.

Остановившиеся и выброшенные на свалку часы два раза в сутки показывают верное время. Сталин снова стал предусмотрительно мудр, а Гитлер, рассчитывавший взять Москву до морозов, – безумен. Дорога в Берлин оказалась долгой (с зигзагом к Волге). Но все-таки они Москву не взяли, а мы до Берлина дошли. С именем Сталина и с ненормативной лексикой на устах:

Вперед, ... вашу мать!
 За Сталина, ... вашу мать!

И по мере того, как мы шли на Запад, менялись наши цели. Таял, как снег, антифашизм, интернационализм... Нашей целью стала сама победа, сама война. Выплывала из прошлого ядовитая смесь самосознания раба и всемирного завоевателя. Демонический утопизм уступил место имперскому демонизму. «Сталин – это победа», говорит сейчас Зюганов. И победа – это Сталин. Победа

все списывает, все пытки в застенках, все расстрелы, все голодные смерти. Я не говорю о тех, кто смог идти против течения, но толпы, массы все простили Сталину, как Грозному – за покорение Казани, Астрахани, Сибири. В фантомах, изготовленных киноискусством, Сталин овеян поэзией, как Грозный – в народной песне.

Я пережил хмель победы и знаю его силу – целый пучок сил. Я упивался величию победы и ужасался ее мерзости (грабежам, насилиям). Я не знал, как совместить одно с другим. Из анналов истории ни того, ни другого не вырубишь. Ни изнасилованных немцев, ни эпического напряжения всех народных сил, с которым выиграна была война. И победа России слилась с победой тирана, изнасиловавшего Россию и создавшего из ее лона своих наследников.

Можно по-разному толковать факты, выводя их из корней в истории или из отрыва от корней, но прежде всего это факт: славы победы прочно слилась с именем Сталина, и беспомощные петли хрущевской мысли не смогли эту славу разрушить. А между тем, слава краденая, Сталин украл славу победы у солдат, ополченцев, офицеров, ложившихся костями, защищая Ленинград, Одессу, Севастополь, Тулу, защищая рубеж Днепра у Смоленска, защищая последний, ржевский рубеж перед Москвой... В самый опасный момент войны Сталин очень плохо руководил боевыми действиями или вовсе ими не руководил. Планы Гитлера сорвало упорство обороны, почти бессмысленное. И в конце концов Гудериан, окружая Тулу, потерял осторожность, оставил без защиты тылы полков, сжимавших кольцо, и по этим тылам был нанесен ответный удар. А тут еще и мороз... И немцам пришлось отходить, бросая замерзшую, оставшуюся без горючего технику. И это было знаком к общему переходу в контрнаступление.

На другой год, под Сталинградом, Сталин обдуманно создавал мужество отчаяния. Он запретил эвакуировать население: «Армия не защищает пустых городов» (чего это стоило – рассказал Н.Ф.Рыбалкин в книге «Тень родного города»). Сталин приказал артиллерии с левого берега бить по своим солдатам, если они не выдерживали и пытались спастись, переправившись через Волгу. Но в 1941 году мужество отчаяния возникало стихийно. И эта готовность затыкать своими телами дыры в сталинских просчетах дала возможность исправлять планы, заменять тупиц способными военачальниками, вернуть из лагерей генералов, которых забыли расстрелять (Горбатова, Мерецкова, Рокоссовского – они потом командовали армиями и фронтами).

И тогда, когда люди, наспех одевшие военную форму, стали обстрелянными солдатами, когда сложилась военная машина, не уступавшая немецкой, – Сталин вышел на авансцену, стал маршалом, генералиссимусом. Он в самом деле чему-то научился, и события направили его энергию в нужном

направлении. Он обладал каким-то почти бессознательным чутьем только в одном: в превращении аппарата власти из средства в цель. В этом он был, если хотите, гений. А во всем остальном – из тех мужиков, которые задним умом крепки. Надо было понести страшные потери во время войны с маленькой Финляндией, чтобы понять: в России надо воевать, тепло одевшись. Надо было сперва расстрелять Тухачевского, еще в 20-е годы разработавшего вместе с Гудерианом тактику большей танковой войны (немцы тогда не имели права строить танки и экспериментировали вместе с нами тайно, в Поволжье); надо было дать Гудериану возможность показать нам кузькину мать со своими танковыми корпусами; а потом уже чему-то выучиться на горьком опыте и тоже свести «броневые ударные батальоны» в танковые корпуса.

Мы все так учились; даже поговорка была создана (а потом забыта) про нашу горькую учебу: «немцы нас научат воевать, а мы их отучим». Только мы платили за учебу своими шкурами, а Сталин – нашими. Война сама учит, сама создает воинов. Даже из меня, созданного совсем для другого, она создала вполне сносный винтик в военной машине. В 1942 году война поражала меня общей неумелостью, – после стольких лет подготовки к войне; а в 1943 мы все, весь офицерский и сержантский костяк армии, сделались профессионалами. Но какой ценой мы за это заплатили! И как он нам – народу, прошедшему через войну – за это заплатил! Даже несчастных несколько рублей, которые платили за ордена и медали – 5, 10, 15 рублей – и те отменили...

Тот, у кого в руках телевидение, легко создает фантомы. Что нужно подчеркнуть – подчеркивает, что нужно затушевать – затушует. А если попробовать без ретуши? Тогда остается человек с огромной энергией – и параноидным умом, заражавшим страну своим безумием. В конечном счете разрушавшим Россию. Не только провалами, но и победами. Ибо успехи на ложном пути оказались сугубым провалом; таким провалом, которого еще не было в русской истории.

* * *

Начать с того, что Сталин сам привел Гитлера к власти. Ослепнув к фактам, ослепнув к критике, которой подвергалась его политика в Коминтерне. Это хорошо осветил германский исследователь Л.Люкс. «Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов. Это о них сказал Эрнст Тельман в декабре 1931 г., что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса. О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 г., когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером».

Люкс отмечает, что особенно глубоко обличал гибельный курс Сталина Троцкий, высланный за границу. «Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов – это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощительства». Троцкий, проигравший во внутривнутрипартийной борьбе со Сталиным, становится защитником демократии и использует свой собственный опыт разрушения демократии, чтобы обличить тактику Гитлера. «Троцкий... понимал, что рано или поздно нацисты перейдут к внепарламентским действиям. В декабре 1931 г. он писал, что национал-социалисты никогда не получают абсолютного большинства на выборах. Иными словами, Троцкий был уверен, что демократическим путем нацизм не придет к власти. Но господствующие группировки в Германии могут передать нацистам власть добровольно... В этом случае государственный переворот был бы естественным следствием передачи власти.

Задолго до победы Гитлера Троцкий не устал повторять: без уничтожения парламента, многопартийной системы и прежде всего организаций рабочего класса господство нацистов невыносимо. Единственное, что может предотвратить нацистский переворот – это единый фронт коммунистов и социал-демократов. Сталинское же руководство, продолжает Троцкий, признает лишь один вид единого фронта – когда все другие партии безоговорочно подчиняются приказам Коминтерна. Сталинскую теорию «социал-фашизма» Троцкий называет бессмысленной конструкцией, у которой есть только одно преимущество: никто из членов Коминтерна не смеет против нее протестовать»¹

«Очень рано Троцкий предсказывал смертельную угрозу, какую нацистская Германия представляет для Советского Союза. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом.., писал Троцкий еще в 1932 г., до победы нацистов. Троцкий даже советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии. Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Сталинист Отто Куусанен утверждал в сентябре 1932 г., будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру... (предложение Троцкого действительно было нелепым; но оно говорило о степени его тревоги за будущее СССР. – Г.П.)

Когда национал-социалисты действительно пришли к власти, Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой. Пытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные

¹ Л.Люкс. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? М., 2002, с. 187–189.

державы он однако в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы, писал он в 1933 г., лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока, но и к мировому господству. Поэтому его война с западными державами тоже рано или поздно неизбежна» (там же, с. 190–101).

Только в одном Люкс видит ошибку Троцкого, в недооценке личности Сталина. И его и Гитлера он считал просто ничтожествами, успех которых «объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, «воспользовались» Сталиным и Гитлером» (с. 191–192). Я думаю, что мысль Троцкого внутренне противоречива, но она не совершенно ложна. «Анонимные исторические силы» – фактор, который рационализм обычно упускает; и то, что Троцкий его отметил, делает ему честь. Однако медиумичность к «анонимным силам» – это уже некоторый дар. Успех самого Троцкого в 1917–1922 гг. связан был с подобной медиумичностью к «анонимным силам», развязанной революцией. И Сталин сожрал его (со всеми его дарами), когда демонизм истории повернулся другим боком и решающим стал дух аппарата, дух власти ради власти, насилия ради насилия – тот демон, к которому прислушивался Сталин. «Анонимные силы» сами не выбирают (в противном случае придется придать им лицо, вообразить что-то вроде уицраоров Даниила Андреева). Выбирает человек, медиумичный к тем или другим анонимным силам, угадывающий их. И в этом смысле Гитлер и Сталин значительны.

Перефразируя Козьму Пруткова, можно сказать: их гений подобен флюсу, полнота его одностороння. Сравните нелепую фразу, написанную Сталиным о юношеском сочинении Горького: «эта штука сильнее «Фауста Гете», – и вполне сносную статью Троцкого о Есенине. Превосходство культурного уровня Троцкого очевидно; но еще более очевидно превосходство Франка или хоть Струве над Троцким; очевидно, что для политической победы нужна была демагогия Троцкого, а не философия Франка. Струве не расстрелял бы пленных, сдавших на честное слово; а Троцкий запретил обыскивать посетителей, добивавшихся разговора с ним, вот его и убили. Если бы он обладал бесцеремонностью Сталина, Меркадор был бы задержан. Сталинский размах связан с тем, что для него действительно всё было позволено, любая мерзость, любая подлость, и этот душевный склад уголовника он внес на политический Олимп.

Однако всё позволено было не только разуму, но и страстям. А страсти иногда ослепляют. Почему Сталин не внял предупреждениям Троцкого об опасности нацизма? Ведь эта опасность грозила России, СССР, самому

Сталину, наконец, а не Троцкому, жившему спокойно в Мексике? Здесь приходится гадать во тьме подсознания. Может быть, ослепляла захваченность «революцией сверху», которую он проводил в России. Стил этой «революции» (или контрреволюции, как писала Шатуновская) был резко враждебен социал-демократизму, не мирился с ним. Сталину лично социал-демократы были противны, а с Гитлером возникало ощущение сродства и бессознательно хотелось не враждовать с ним (гитлеровцы поумнее тоже чувствовали, что из коммуниста может выйти нацист, а социал-демократические бонзы навсегда остаются чужими). Сталину не хотелось искать союза с демократическими лидерами, которых он глубоко презирал. Ему не хотелось создавать широкой народный фронт, в который, пожалуй, и Троцкого надо включить, и католиков, недавно (в 1929 году) призывавших к крестовому походу против Светской России. По указаниям Сталина, в Испании, где народный фронт был создан, коммунисты взрывали его, воюя то с анархистами, то с троцкистами.

Даже после того, как наци получили 40% голосов, Сталин был неспособен выйти из своей антидемократической захваченности. Он бессознательно предпочел Гитлера и под влиянием «анонимных сил», дремавших в его душе, вел страну к гибели.

Вторым шагом к пропасти была его внутренняя политика, ликвидация НЭП-а и создание системы всеобщих каторжных работ. Это было его первой пирровой победой из целой серии пирровых побед. Власть сосредотачивалась в руках человека, не имевшего никакой разумной идеи, что делать с властью (ни исторически разумной, ни тем более духовно разумной, т.е. идеи более высокого духовного уровня). Такое сосредоточение власти становилось злокачественной опухолью, разрастанием государства ради государства, подавлением всех живых сил ради Молоха, постоянно требующего новых жертв. Впоследствии Сталин втиснул свою волю в марксизм, назвав ее «движением к коммунизму через усиление классовой борьбы».

Сталин не сразу открыл свои карты. Он несколько лет маневрировал, прятался за спину Зиновьева, завидовавшего славе Троцкого, а потом Бухарина, освободившегося от своего левачества и принявшего НЭП «надолго и всерьез», до «врастания кулака в социализм», до лозунга «обогащайтесь» (впоследствии по этому пути пошли китайцы). Маневры, описанные Авторхановым в «Технологии власти», дали первую пиррову победу: ликвидацию механизма обратной связи, возможности легальной критики политических ошибок. Вслед за этим была достигнута вторая пиррова победа: над крестьянством. После беспомощного и неорганизованного сопротивления насильственному фаланстеру крестьяне покорно всунули шеи в колхозное ярмо. Кто мог, бежал в город, и поток обездоленных дал рабочую силу для новостроек. Была с

волшебной быстротой создана оборонная промышленность. Но в 1941 году добрая половина этой промышленности сказала на оккупированных землях.

Нельзя считать все это чистой случайностью. Генерал Григоренко, анализируя поражения 1941 года, выделяет несколько факторов, сошедшихся в один клубок. Тут и тупое упрямство Сталина, не выносившего рядом с собой независимо мыслящих людей, и глухое недовольство крестьян, нежелание сражаться за свою каторгу, прямая готовность сдаваться в плен, становиться «добровольными помощниками» вермахта и другими способами сотрудничать с оккупантами.

В 1950 г. в Бутырской тюрьме я играл в шашки с учителем, пытавшимся возродить русскую школу при немцах. Сделав очередной ход, я спросил его, почему он выбрал свой путь. Партнер посмотрел мне в глаза и ответил: «Я был свидетелем коллективизации. Простить этого не мог». Я кивнул головой, и мы продолжали партию.

Только ограниченность Гитлера помешала ему шире использовать открывшиеся возможности и превратить отечественную войну в гражданскую. В Белоруссии немцы сохраняли колхозы: так им показалось удобнее собирать дань. В ответ партизанский штаб распустил колхозы. Крестьяне так дружно откликнулись, что помешать немцам не удалось. Освобожденные крестьяне стали поддерживать партизан, и республика превратилась в партизанский край. Потом, в 44-м, деревенские женщины с каким-то отчаяньем в глазах спрашивали нас: неужели восстановят колхозы? Неужели восстановят?

Во время войны удалось вызвать надежду, что все «перегибы» будут исправлены и победа станет народной. Волна патриотизма подхлестнула экономику, и огромное напряжение всех сил в тылу поддержало фронт. После конца войны энтузиазм стал угасать. Пришлось подхлестывать систему всеобщей каторги новыми волнами политических истерик. Тогда нам и разъяснили, как двигаться к коммунизму, – через усиление классовой борьбы, – пока вождь не умер и его наследники не поддались усталости от напряженного ожидания опалы и казни...

Третьей пирровой победой был Большой Террор. Необходимость его вытекала (в параноидном уме Сталина) из второй победы, вернее – из глухого нежелания признать вторую пиррову победу. Недовольство вырвалось в тайном голосовании на XVII-м съезде (открыто критиковать Сталина уже никто не решался). Реакция вождя была такой неадекватной, что казалась невыносимой. На этом основании факты, установленные Шатуновской, брались под сомнение. Но Сталин не был вполне нормальным человеком. В Большом Терроре выступило наружу то, что он до известного мига мог скрывать, что казалось просто дурным характером, – параноидные комплексы в сознании, клубки мстительной ненависти.

Граница между шизоидом и шизофреником, между параноидом и параноиком никем не охраняется, возможны переходы в обе стороны. После начала войны Сталин пережил нечто вроде наркотической ломки, был жалким, растерянным и потом заново учился владеть своими страстями и на переговорах в Тегеране, Ялте и Потсдаме выглядел вполне прилично (до нового обострения болезни в старости). Но реакция на тайное голосование делегатов XVII партсъезда была скачком в безумие. В ожидании близкой войны, под предлогом борьбы с «пятой колонной» (т.е. с агентурой врага) был наполовину разрушен партийный аппарат, хозяйственный аппарат и, наконец, – управление армией и флотом.

Новые поколения плохо понимают, как всё это выглядело и какую роль это сыграло в наших поражениях. Цифры потерь армии были подсчитаны и опубликованы в статье генерала Тодорского. Репрессии вывели из строя половину среднего командного состава и три четверти высшего. Но как подсчитать – что чувствовали те, кто уцелели? На что они годились, подавленные страхом? Это в документах не прописано, только в рассказах свидетелей. Один из таких рассказов мы перепечатаем из журнала «Знание – сила» за 1995 год, – рассказ 93-летнего генерала Полищука о потрясающем спектакле абсурда, разыгранного в Реввоенсовете в 1937-м. Это несколько особый спектакль, с личным участием Сталина в главной роли. В тысячах и десятках тысяч спектаклей Сталин лично не присутствовал, только его дух там царил.

Я сидел и нехотя голосовал на десятках комсомольских собраний, обсуждавших дела о притуплении и потере бдительности. Арестованы были родственники примерно третьей части студентов. Если враг народа служил бухгалтером, как мой отец, то считалось, что бдительность притупилась. А если у него было громкое имя (Ганецкий, Кун), то бдительность совсем потерялась. Тогда не выговор, а исключение из рядов. И если Нина Витман, рыдая, твердила, что ее отец ни в чем не виновен (кроме немецкой фамилии, – смекал я), то за это тоже исключали из рядов. Яростные проработчики буквально брызгали слюной от бдительности.

Впоследствии мне пришлось выслушать рассказы моего тестя о терроре в Наркомтяжпроме. Лично он уцелел. Его спасало то, что обвинения каждый раз высказывались публично и разбирались самими сотрудниками Наркомтяжпрома. После смерти Орджоникидзе выступил на партсобрании Л.М.Каганович и бросил фразу (для повышения температуры бдительности): «если мои сведения верны, то между нами сидит английский шпион Миркин». Тут же была создана комиссия в составе двух заместителей наркома, Первухина и Целищева. Шпионаж заключался в том, что Миркин запатентовал в Англии какое-то изобретение. Это давало возможность получать валюту. Комиссия три

ночи разбирала дело, не стоившее выеденного яйца. Целищев предлагал завершить расследование в угоду сталинскому наркому. Первухин оказался порядочнее и возражал: дадим возможность Миркину изложить свою точку зрения. В конце концов обвинение было снято. Чтобы почувствовать запах времени, надо прибавить, что нарком тоже терял бдительность в отношениях с близкими родственниками: со старшим братом, М.М.Кагановичем, вынужденным застрелиться, и младшим братом, Ю.М.Кагановичем. По слухам, мать трех Кагановичей приходила к Лазарю просить за младшего (за старшего можно было просить только Бога) и (по слухам же) Лазарь ей ответил: «У меня один брат, один отец – товарищ Сталин!» Никто меня не убедит, что это государственная политика. По-моему – это паранойя.

Другой раз Миркин, инженер, окончивший МВТУ, раскритиковал изобретение, на которое Серебровский, зам. наркома, специального образования не имевший, выделил порядочную сумму денег. Всякая ошибка в эти годы легко могла быть истолкована как вредительство. Чтобы уцелеть, Серебровский собрал какую-то импровизированную комиссию и при стенографистках сделал заявление, что отец Миркина, живший в Баку, был провокатором и Миркин это скрыл от партии. Миркин бросился его душить. Завенягин, будущий начальник ГУЛАГ-а, мужик очень сильный, сгреб Миркина в охапку и вытолкнул в соседнюю комнату. К счастью, нашлись земляки и показали, что отец Миркина, часовщик, жил и умер в Петербурге, а в Баку жила и взяла мальчика на воспитание тетка. Миркин кричал, что Серебровский сам провокатор. В конце концов, арестовали Серебровского.

К сожалению, нет общих цифр потерь руководящих хозяйственных кадров или партийных кадров. Приходится ограничиваться случайными картинками вроде этой. Они все говорят об одном: абсурд царил повсюду, чтобы уцелеть, надо было проявить бдительность, то есть втягиваться в сталинский бред, клеймить друг друга, топить друг друга. Над всей страной повис запах террариума, где один гад пожирал другого гада. Человек, не поддавшийся бреду, не свихнувшийся от бдительности, оказывался на этой исторической арене как со зверьми на арене римского цирка. В третий раз Миркина спасло то, что Арманд, за которого он заступился, был по мановению свыше восстановлен в партии и решение партийного собрания аннулировано (Сталин, видимо, решил не трогать детей ленинской подруги Инессы Арманд – пригодятся писать мемуары).

В четвертый раз Миркина два месяца подряд по ночам таскали в НКВД, пугая арестом, чтобы он дал показания против своего друга, перешедшего из меньшевиков в большевики в 1920 г. Пребывание в меньшевиках стало пятном, которое требовалось смыть вместе с запятнанным человеком. Миркин показаний не дал, и от него отцепились. Но на нем самом осталось страшное

пятно: в 1923 г., будучи секретарем комсомольского комитета МВТУ, он выступал за платформу Троцкого (если не переписывать историю, то надо прибавить: как и большинство молодежи; только немногие, как Жора Маленков, секретарь партийного комитета МВТУ, вовремя смекнули, за что голосовать). И каждый раз, когда кто-нибудь свыше читал анкету Миркина, бдительность требовала перевести его на менее ответственную работу, шаг за шагом – от начальника НИС (научно-исследовательского сектора Наркомтяжпрома, что-то вроде Комитета по делам науки) до прораба. К сорока восьми годам мой будущий тесть стал инвалидом. Я застал тестя мрачным ипохондриком, руинами государственного человека. Один из редких случаев бдительности, не доведенной до ареста.

После пирровой победы террора в стране исчезла всякая активность, всякая самостоятельная мысль в хозяйстве, в науке. Уцелевшие повторяли поговорку: «моя хата с краю, ничего не знаю». Я слышал это несколько раз, от самых непохожих людей. Их всех сдавило время. Накануне великой войны, накануне необходимости огромного, почти сверхчеловеческого общего напряжения, люди рассыпались по своим углам, попрятались в норки. Ничего, кроме поражения, это не сулило.

* * *

А что делал Сталин, когда война надвинулась вплотную, когда до 22 июня остались считанные дни? Он убивал тех, кто пытался открыть ему глаза. Он просто не хотел смотреть в лицо опасности. Из всех донесений разведки он выбрал одно: что в Германии не имеют зимнего обмундирования. Хотя, поставив этот факт в связь с другими фактами, нетрудно было понять, что у Гитлера был расчет на блицкриг, на молниеносный разгром советских армий. Катастрофические последствия сталинского вредительства (это слово здесь очень подходит) сжато описал П.Г.Григоренко. В сборнике «Жизнь – сапожок непарный» приводится десять страниц из его книги.

Здесь мы даем только несколько выдержек:

«Я дал свое сжатое описание начального периода войны и анализ причин разгрома наших войск. Причины были даны выпукло, обнаженно. Спорить против них в такой постановке было невозможно. Но в этом и была защита книги Некрича, т.к. при внимательном сравнении каждый мог видеть, что Некрич в более завуалированной форме дал те же причины. Одну причину только обошли мы оба. Не знаю, видел ли ее Некрич в то время. Что же касается меня, то я обошел ее сознательно. Назвав ее, я очутился бы в психтюрьме немедленно. Эта причина – большое число не желающих воевать за советский строй.

Такого умопомрачительного количества пленных не могло бы быть, если бы эти люди не хотели сдаваться в плен. Партия своей политикой террора

против трудящихся города и деревни довела массы людей до того, что они предпочитали плен жизни в такой стране. Тогда этот вывод я сделал, только задумавшись над цифрой пленных. Я в то время еще не знал того, что мне известно теперь – того, что военнопленные предпочитали смерть возвращению на родину, что советские войска с помощью союзников целые операции проводили для того, чтобы возвратить «любимой» родине ее «заблудших» сынов» (с.196).

«К исходу третьей недели фашистские армии на этом направлении стояли у ворот Смоленска, завершив еще одно окружение значительных наших сил. Типпельскирх сообщает, что только на этом направлении в период с 22 июня по 1 августа 1941 года гитлеровцами взято в плен около 755 тысяч человек, захвачено свыше 6000 танков и более 5000 орудий (К.Типпельскирх «История второй мировой войны», М., 1956, стр. 178-184, 186)» (с.197).

«Наш Юго-Западный фронт (бывший Киевский особый военный округ), войска которого, удовлетворительно управляемые командованием и штабом фронта, проявили подлинные чудеса героизма и, серьезно затормозив наступление группы фашистских армий «Юг», вели в это время бои далеко к западу от Днепра, – в результате выхода противника в район Смоленска, оказался под угрозой удара во фланг и тыл с севера. Именно с этого времени над Юго-Западным фронтом начала все более грозно нависать опасность той трагедии, которую с полным основанием можно признать самой крупной катастрофой Великой Отечественной войны, – *Киевского окружения* наших войск.

Вопрос об этом окружении выходит за рамки данного, по необходимости несколько разросшегося письма в редакцию, но я не могу не сказать о том, что с 16 июля, когда угроза самого страшного достаточно отчетливо потребовала эффективных мер, до начала развязки под Киевом прошло тридцать восемь дней, но за это время не было сделано ничего реального. Хуже того, все делалось, как нарочно, на руку противнику. Командование и штаб Юго-Западного фронта понимали, что над руководимыми ими войсками нависает грозная опасность, и пытались ей противодействовать, но бездарными распоряжениями тогдашнего Верховного главного командования все разумные фронтовые мероприятия отменялись, а войска фронта, в конечном счете, были поставлены в условия полной невозможности оказать врагу эффективное сопротивление.

В результате, за месяц с небольшим наш Юго-Западный фронт был полностью разгромлен. Командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос, молодой талантливый генерал, – начальник штаба фронта Тупиков, очень способный разведчик, – начальник Разведотдела фронта полковник Бондарев и многие другие прекрасные штабные офицеры, после героического, но

безнадежного сопротивления напавшим на командный пункт фронта танкам противника, ввиду явной угрозы плена, покончили с собой. А те, кто не погиб в бою и не успел, либо не смог застрелиться, сложили свои головы в фашистской неволе или, пройдя через годы тяжелых мучений фашистского плена, пережили еще и горечь обвинения в «измене» родине и муки сталинско-бериевских застенков. Уцелела лишь часть тех офицеров штаба фронта, которые во время нападения на командный пункт вражеских танков находились в войсках, выполняя задания командования фронта. Таким образом, уцелел, в частности, начальник Оперативного отдела штаба фронта полковник (ныне маршал Советского Союза) И.Х. Баграмян.

И что же: такой ход событий закономерен или, наоборот, были совершены какие-либо ошибки, которые именно и привели к столь плачевным результатам?» (с.199).

«Да, прав – трижды прав! – был покойный президент США Кеннеди, когда заявил, что у победы – много родственников, поражение же – всегда круглая сирота. Наше поражение 1941 года тоже не избежало сиротства. Все, кто имел тогда отношение к руководству войной, – родственники одной лишь победы. Ну, а поскольку поражение совсем не может быть без родных, то эта малочетная роль великодушно предоставляется объективным причинам и закономерностям» (с.199–200).

«Чтобы разобраться в фальсификациях и понять, что же происходило в действительности, необходимо прежде всего установить соотношение сил сторон к началу войны. Оказывается, по количеству дивизий было примерное равенство, по числу танков мы превосходили противника в пять раз, по боевым самолетам – более чем в 2,5 раза. Имелось у нас превосходство также в артиллерии и минометах.

Но один количественный перевес – еще не свидетельство превосходства. Всегда, а в современных условиях – особенно, огромное, зачастую – решающее, значение имеют *качественные* показатели вооружения и боевой техники.

Так, наши истребители старых образцов, даже при большом их численном превосходстве, не могли достаточно эффективно противодействовать «хенкелям» и «юнкерсам», потому что уступали им в скорости и мощности вооружения. Что же касается наших старых бомбардировщиков, то они против вражеских истребителей были, по существу, беззащитны. Однако нельзя забывать, что в составе наших ВВС (Военно-воздушных сил) имелось 2700–2800 боевых самолетов новых конструкций (т.е. немного меньше, чем в гитлеровской Германии было тогда всего боевой авиации). А эти наши самолеты по своим боевым качествам не только не уступали соответствующим типам самолетов напавшего врага, но во многом превосходили их.

В отношении танков все пишущие о начальном периоде войны обходят вопрос о подавляющем численном превосходстве наших танков и акцентируют на том, что в числе имевшихся в наших западных военных округах танков было всего 9 процентов машин новых образцов. Приводя эту цифру, они не упоминают о том, что девять процентов означают весьма внушительное число – 1700-1800 машин. Не затрагивают они и важнейшего вопроса о качествах германских танков. Тем самым читателю предоставляется право думать, что у противника танки были значительно лучше наших, хотя они, если брать весь их парк, как уже указывалось, были, примерно, равноценны нашим. Но танки противника нельзя было даже сравнивать с нашими «Т-34» и «КВ». Только к 1943 году – к Курской битве – противнику удалось создать машины, приблизившиеся по качеству к имевшимся у наших войск с самого начала войны танкам новых конструкций. Но и эти новые фашистские танки и самоходки были все же хуже нашей «Т-тридцатьчетверки», оставшейся в течение всей войны непревзойденной боевой машиной.

Качественное превосходство наших новых танков над фашистскими было столь большим, что последние и в тех случаях, когда у них было большое численное превосходство, не рисковали ввязываться в бой даже с одиночными «Т-34» или «КВ». Если бы эти наши танки, численность которых лишь в два раза уступала всей численности фашистских танков, были использованы массированно, то противнику не помогло бы не только двойное, но и десятерное их численное превосходство. С одними этими нашими танками можно было бы не только противостоять гитлеровскому танковому удару, но и разгромить танковые группировки врага (с.201–202).

Войска западных приграничных военных округов, *незначительно уступая по численности* вероятной армии вторжения противника, *в военно-техническом отношении были значительно сильнее ее*. Но – квалифицированные командные кадры были изъяты из армии почти полностью и подвергнуты репрессиям различной степени. На их место пришли в большинстве люди малоквалифицированные и просто в военном отношении неграмотные, зачастую – *абсолютные бездарности*. Авторитет командного состава в связи с этим, а также вследствие психоза борьбы с «врагами народа», резко снизился, дисциплина пришла в упадок.

1. Вопросы подготовки к отражению внезапного нападения не были решены:

– Аэродромная сеть приграничных округов была развита слабо. В результате к началу войны авиация продолжала размещаться весьма скученно на старых, давно и хорошо известных Германии аэродромах.

2. Зенитные средства в войсках имелись в мизерных количествах. Большая их часть была малоэффективной. Поэтому войсковой ПВО фактически не было

и войска, если не имели авиационного прикрытия, оставались совершенно беззащитными с воздуха.

Не было и ПВО аэродромов, что при внезапном воздушном налете противника могло привести к потере всей авиации.

3. Перед самой войной резко ослабили способность войск к борьбе с танками: сняли с вооружения 45 мм противотанковую пушку, а еще раньше, по прихоти Сталина, 76 мм пушку «ЗИС».

4. Танковые войска. в связи с затеянной перед войной реорганизацией, встретили войну в небоеспособном и малобоееспособном состоянии.

5. Укрепленные районы вдоль старой границы были не только разоружены, но и взорваны. Вдоль новой границы начали строить, но ничего не завершили.

6. Шедевром же всех недомыслий было то, что «войска продолжали учиться по-мирному: артиллерия стрелковых дивизий была в артиллерийских лагерях и на полигонах, зенитные средства на зенитных полигонах, саперные части в саперных лагерях, а «голые» стрелковые полки и дивизии в своих лагерях. При надвигающейся угрозе войны эти грубейшие ошибки, – пишет маршал Советского Союза Малиновский, – граничили с преступлением» (с. 202–203).

Как видим, сталинское правительство натворило глупостей, равнозначных измене. Издавна так ведется, что правительство, ответственное за ошибки в подготовке к войне, привлекается к ответу. Так, правительство Чемберлена ответило за мюнхенскую ошибку отставкой. Американцы провели сенатское расследование пирл-харборского провала, Франция судила свое правительство за то, что оно допустило поражение своей армии.

И вот за эти ошибки нашего правительства, равнозначные невиданной измене, расплатился только народ. Расплатился, во-первых, – невероятными по масштабу потерями на фронте. Гитлеровцы на всех фронтах Второй мировой войны на востоке, западе, юге и в Африке потеряли убитыми и умершими от ран около четырех миллионов человек, а мы – только на советско-германском фронте – 13,5 млн., то есть в три с половиной раза больше. Расплатился наш народ, во-вторых, – жизнями миллионов мирных людей, погибших во время гитлеровской оккупации. Расплатился, наконец, в-третьих, – миллионами репрессированных во время войны и в послевоенный период защитников нашей родины, ее воинов – солдат и офицеров, проявившихся в беспримерной борьбе с вторгшимся противником чудеса храбрости и героизма (с.205).

Глава «Разведсводка № 8» полностью дается ниже.

Сталин вел себя как солдат, позволивший переглядеть себя в штыковом бою. Сержант Лагутин, участник штыковых боев под Севастополем, – он от них в тридцать лет поседел, – говорил мне, что в таком бою противники, стоя в

оборонительной позиции, глядят друг другу в глаза. Тот, кто не выдержит и опустит глаза, погиб. В этот миг он потерял волю и его закалывают. Гитлер в июне 1941 года глядел в глаза немедленной войне, Сталин мысленно отодвигал начало войны вперед, на несколько недель или месяцев. Он опустил глаза и заставлял всех опустить глаза. Он вел себя как предатель.

Когда разгром стал фактом, шок выбил Сталина из комплекса сверхполноценности, из его патологического самосознания божества, царящего над фактами. На какое-то время – между 22 июня и выступлением по радио 3-го июля – он совершенно растерялся и позже не раз терялся. Он передал Гитлеру, через посредство болгарского дипломата, свою готовность на полукапитуляцию. Но Гитлер отмахнулся от его предложения. Пришлось воевать и воевать не как живой бог, а как битый фраер. Это давалось ему с трудом. Периоды растерянности чередовались с периодами тупого упрямства. Он долго не разрешал сдать Киев – престижный город, столицу Украины, и приказ отступить отдал только тогда, когда отступать было некуда. По его вине в окружение попало полмиллиона человек. Он назначил командовать фронтами своих бездарных холуев, – Ворошилова, Буденного и Тимошенко, – предоставив немцам доказывать, что они бездарны (немцы это быстро доказали). Только к ноябрю, когда запахло зимой (и выявилась перспектива зимней кампании, к которой Гитлер не был готов), Сталин по-видимому, вошел в норму, но упорство маньяка к нему не раз возвращалось; весной 1942 года оно стоило нам трех новых разгромов: на северо-западе, в Керчи и под Харьковом.

Понадобилось два курса шоковой терапии, чтобы Сталин научился сдерживать свою манию величия и считаться с упрямыми фактами (например, – с господством противника в воздухе, не допускавшим летних наступательных операций). Его первая реакция на прорыв немцев к Волге была истерической. Десятки дивизий были брошены в кровавую бессмыслицу наступления к северу от Сталинграда – с максимальным продвижением в три километра, усталых трупам (уцелели только артиллерийские подразделения). Об этой мясорубке не принято вспоминать; для меня она стала самым страшным из увиденного на войне. Но в конце концов – кто из королей, принцев и кронпринцев не вошел в роль полководца? Только китайский император не командовал войсками, только полная бездарность, вроде Николая II не способна справиться с этим.

Полной бездарностью Сталин не был. Комплексы обид, ненависти и жажды мести копились в нем с детства. Они рождали энергию стресса, энергию ненависти, способную многое перевернуть. К сожалению, эта энергия чаще устремлялась по гибельному пути и не творила, а разрушала, втягивая энтузиастов в процесс разрушения. Ибо клокочущая энергия удачно сочеталась с прямолинейной рассудочностью речей, доступных деревенскому комсомольцу. П.Г.Григоренко признавался, что в юности его убеждала

сталинская однозначная логика. Однозначно нацеленная ярость заражала людей. Особенно людей известного типа, энергичных исполнителей, гением которых он был. Некий внутренний бич заставлял Сталина нестись вскачь, и он заставлял других двигаться тем же аллюром. Если же движение заводило в тупик, то за «головокружение от успехов» обвинялись и наказывались другие.

Война с Гитлером дала Сталину цель, общую с миллионами людей, не мирившихся с мыслью о порабощении России. Но цель войны постепенно подменялась.

Мы начинали воевать с «фашистской силой темной», и многим показалось, что все злое в нашем государстве победа смоеет, что миллионы людей, посаженных в лагеря напрасно, из страха перед «пятой колонной», после победы освободят, что исправлены будут все «перегибы», все ограничения свободы... Были даже разговоры о переходе к многопартийной системе. Молоденькие лейтенанты, не пережившие террора, выражали свои чувства грубее, проще: «после войны попов вешать будем» (из хода разговора было ясно, что попами они называли политработников). Каждый представлял себе добро по-своему, но сознание своего человеческого достоинства воинов и воля к расширению свободы были общими. Между тем, пропаганда упорно выдвигала на первое место ненависть и месть, ненависть и месть. Побеждая Гитлера на поле боя, мы принимали от Гитлера эстафету дьявола, образ мировой империи, основанной на грубой силе, и грубая сила, насилие стала образом сталинской победы.

Сталин присвоил себе победу, украл ее у офицеров вроде лермонтовского Максима Максимовича и толстовского Тушина, решавших в оборонительных боях. Я этот тип встречал как младшего лейтенанта Гусева, лейтенанта Сидорова, я их вспоминал в «Записках гадкого утенка». Именно они сорвали блицкриг и связали руки Гитлеру в Сталинграде.

Сталин не желал слушать людей, говоривших ему, что весной 1942 г. надо было зарываться в землю, создавать глубоко эшелонированную оборону, а не лезть в ловушки, которые немцы ему расставляли. Но и Гитлер не желал слушать людей, пытавшихся преодолеть тупое упорство, с которым он сосредоточил лучшие войска в борьбе за развалины Сталинграда, давая время русскому командованию собрать резервы и несколькими ударами разрезать немецкий фронт, сотни километров которого были отданы под охрану румын, итальянцев, испанцев, венгров... И давая время всем нам, наспех собранным, наспех обученным ополченцам стать профессиональными солдатами и офицерами.

В сталинградской битве сошлись оба процесса: задуманного штабом перехода в контрнаступление и стихийный процесс войны, обучавший войне. В боях со слабым противником войска осознали свою силу – и вдруг сказались

медленно накапливавшиеся изменения в каждом из нас, в каждом отдельном солдате, сержанте, офицере, генерале. Сложилось ядро бывалых вояк, вокруг которых опыт войны перенимали новые пополнения. Против фантома героя-арийца был создан фантом «героя-сталинградца», и солдаты, нацепившие на себя гвардейские значки, осознали себя гвардейцами. «Немцы нас научат воевать, а мы их отучим», – твердила пропаганда в 1943 году. А в 44-м первую поговорку уже сменила вторая, подхваченная из далекого прошлого: «русские прусских всегда бивали, наши войска в Берлине бивали». Начинался хмель победы, безудерж воображения, направленного к новым победам и к упоению своим правом победителя, которому все позволено, любые грабежи, любые насилия.

И во хмелю люди поверили, что города сдавали солдаты и в плен сдавались солдаты, а брал города Сталин. Его никто не мог отправить в штрафной батальон за преступления 41-го, 42-го года, на его счет зачислялись только победы. И совершилась одна из величайших подмен в русской истории, где и раньше хватало подмен и подлогов.

Фантом III интернационала уступил место фантому Третьего Рима. Но не Рима Филофея, верившего в благословение Бога, – а Рима Ксеркса.

Владимир Соловьев задал вопрос: Россия Ксеркса или Христа? Сталин ответил: Ксеркса. И на Россию легло проклятье, лежавшее на нем, лежавшее на всех империях XX века. На пути в Берлин в городе Форст, побеседовав со старухой немкой, которую изнасиловало семь наших солдат, я вспомнил «Торжество победителей» Шиллера. И на развалинах Берлина меня попеременно заливали то волны радости за эпическую победу, то волны стыда, и я вспоминал другие строки из той же оды, в переводе Жуковского:

Все великое земное
Разлетается, как дым.
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...